



Елена Клагова

СЪЗКА
ВЕЧНОГО
ПАПОРОТНИКА

Елена Кладова

Сказки вечного папоротника

«ИТРК»

2020

УДК 821.161.1-312.6
ББК 84-44(2Рос)

Кладова Е. В.

Сказки вечного папоротника / Е. В. Кладова — «ИТРК», 2020

ISBN 978-5-88010-684-4

Вечный вопрос: что такое женское счастье и есть ли оно вообще? Почему-то красавица Катерина, которой судьба дала и внешность, и ум, и возможности, чувствует себя несчастной, страдает и завидует. Ведь подруга, у которой ничего этого и в помине нет, скромница Галинка, любит и любима, и по-настоящему счастлива с мужчиной, о котором мечтает героиня. И только научившись понимать, что нужно видеть не только глазами, но и сердцем, и душой, Катя обнаруживает, что вот оно, счастье, совсем рядом, большое, настоящее, своё. Читатели со стажем и те, кто только вступает во взрослую жизнь, оценят изысканный стиль и природную наблюдательность автора.

УДК 821.161.1-312.6

ББК 84-44(2Рос)

ISBN 978-5-88010-684-4

© Кладова Е. В., 2020

© ИТРК, 2020

Содержание

Глава первая, рассветная	6
Глава вторая, ознакомительная	9
Глава третья, ошеломительная	11
Глава четвёртая, дыхательная	13
Глава пятая, банкетная	16
Глава шестая, похмельная	18
Глава седьмая, лесная	20
Глава восьмая, сказочная	22
Глава девятая, добычливая	26
Глава десятая, близкородственная	28
Глава одиннадцатая, послеобеденная	30
Глава двенадцатая, хозяйственная	32
Глава тринадцатая, застольная	35
Глава четырнадцатая, ночная печальная	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Елена Владимировна Кладова

Сказки вечного папоротника

© Кладова Е.В., 2020

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2020

Глава первая, рассветная

Катюша открыла глаза, улыбнулась, потянулась со вкусом, зевнула, ещё раз потянулась, как проснувшаяся кошечка. От её движений зашуршало сено, одеяло сползло с открытых плеч. Она у бабушки! На каникулах!! Ура, ура, ура!!! Летняя сессия сдана, впереди практика и последний курс, а сейчас – каникулы! Катя заканчивала экономический, но мало думала пока об экономике и политике, легко и беззаботно проживая свою юность.

Было совсем ещё рано, хотя лучики солнца уже просачивались сквозь щели в потолке. Катю потревожил воинственный бабулин петух, командным кличем созывающий свой гарем на прогулку. Бабушка испытывала пристрастие к сериалам, регулярно поставляемым нашему телевидению трудолюбивыми мастерами кинопроизводства из Мексики, Бразилии и прочей Южной Америки. Посему петух именовался Эдмундо, хотя нередко его кликали русским вариантом этого имени (нетрудно догадаться, каким, но привести здесь нельзя – неприлично). Эдмундовы супруги звались соответственно: были в семье Луиза, Кармен, Марианна и ещё какие-то донны. В будке проживал лохматый Мигель, вместо Барсика и Мурки имелись Марио и Лаура. Катя над бабушкиными слабостями похихикивала потихоньку, и запомнить всех экзотических имён не могла – сериалов она не смотрела.

Деловитый Эдмундо увёл своих жён, снова всё смолкло. Катюша потянула на себя уютное лоскутное тёплое одеяло, намереваясь поспать ещё. Под рукой скользнул шёлковый квадратик. Катя присмотрелась, словно впервые увидела эти лоскутки, хотя спала под верным пёстрым одеялом столько раз. В бабушкином доме эти одеяла жили постоянно. На смену устаревшим приходили новые, такие же пёстрые, яркие. Раньше их шивала прабабушка Матрёна, бережно собирая в сундучок остатки от шитья, красивые лоскутики отслуживших платьев, кофточек, платочков. В детстве Катя не раз залезала в этот заветный сундучок, таскала тряпочки на обновки своим куклам. А теперь одеяла обновляла бабушка, долгими зимними вечерами сшивая разноцветные квадратики и ромбики. И половички из лоскутиков устилали пол, и одеяла радовали глаз, придавая старому дому вид нарядный и даже слегка кокетливый. Рисунок никогда не повторялся, расцветка отличалась разнообразием, бабушка в этом деле была настоящим художником. В доме, где жили в основном представительницы женского пола, недостатка в материале для творчества быть не могло. Катюша продолжала внимательно разглядывать лоскутки. Скользкий атласный кусочек – это же её самое первое нарядное платье! Лет пять было Кате, когда мама где-то раздобыла шикарный наряд из бирюзового атласа с пышным кружевным воротником, юбкой с оборками, рукавами фонариком. Все восхищались, называли Катеньку кто принцессой, кто феей, кто ангелочком, и это было так приятно – внимание и восхищение окружающих!

Попался лоскуток в ярких горохах – мамин любимый сарафан. А вот тёмно-зелёный сатин, память о юбке прабабушки Матрёны. Ну-ка, ну-ка, а это чьё? Что-то не припоминается нежно-сиреневая, в тонких бежевых веточках, одежда. Катюша взялась фантазировать. Может, в этом платье бабушка щеголяла в девках и бегала к реке на свидания? Или мама Надя привлекала пылкие взоры какого-нибудь юноши? А может, тётушка Лида танцевала в клубе свои первые танцы? Надо будет порасспросить бабулю, уж больно интересна пёстро-лоскутная летопись.

Катя усмехнулась: вон куда увела её безудержная фантазия, каждому лоскуточку – свою историю, и непременно романтическую. Но ведь эти лоскутки в самом деле что-то знают и помнят, только не могут рассказать. Жаль, что традиция не сохраняется, и молодое поколение семьи Романцевых лоскутков не собирает и одеял не шьёт. Катюша, например, и фартук смастерить не сможет: ни умения, ни терпения ей явно не хватит. Вон как они подобраны, эти лоскутики, произведение искусства, а не одеяло!

Снова кусочек в горошек, на белом фоне синие, жёлтые, красные кружочки. Память нарисовала такое же лето, только более десятка лет назад. Любопытная девочка Катенька подглядела, как мама, одетая именно в этот гороховый сарафан, и молодой весёлый загорелый папа целовались в густых кустах орешника за бабушкиным огородом. Яркие горохи среди нежно-зелёной листвы, ласковый шёпот и залихватистый смех – как красиво и трогательно это было! Но юная девица зафыркала возмущённо сердитой кошкой: «Как не стыдно в таком возрасте! Днём! В кустах!!!»

Да уж, разгневалась она тогда здорово. Тридцатилетние родители казались ей действительно пожилыми. Как всё изменилось с тех пор! Мама, которой слегка за сорок, оказывается, совсем молодая. А папы нет. Что-то у них с мамой разладилось, отец ушёл из семьи, едва дочь закончила школу, и уехал к себе на родину, аж за Урал. Только нежные послания и денежные переводы сообщали Кате, что папа её помнит и любит.

Машинально продолжая поглаживать одеяло, Катюша невесело подумала, что в их семье вообще как-то не приживаются мужчины. Сейчас и вовсе ни одного нет. Бабушка, её дочери Надежда и Лидия, она сама, Катя, и дочери тёти Лиды – семья-то большая, да нет мужика. А были.

Деда Катя совсем не помнила, он скончался почти сразу после её рождения, но имя Катюша – это выбор дедушки, так звали его маму, и первая внучка стала Екатериной.

Муж тёти Лиды, здоровый, полный сил мужчина, которого обожали все женщины в семье, глупо и нелепо погиб три года назад, оставив маленьких дочек и жену, которая до сих пор не пришла в себя после этого удара.

Катин папа далеко-далеко, и не бывает в этом доме, и вряд ли теперь появится, хотя бы на время. И у Катюши нет никого, с кем она хотела бы разделить жизнь, вернее, соединить свою жизнь с чужой. Катя запуталась: как же вернее – соединить жизнь, разделить жизнь, связать судьбу? Как всё это говорится и делается?

Стало от этих мыслей немножко грустно, хотя вечером, выходя из автобуса, добираясь до бабушкиного дома, Катя была полна радостных надежд, предвкушая летний отдых, ликовала, что проведёт каникулы здесь, в старом доме, с родной и любимой бабулей Анной Степановной. Решив на время расстаться с привычно-городской жизнью, Катя и ночевать устроилась на сеновале, хотя места для ночлега в доме было предостаточно. Дед, Иван Николаевич Романцев, был прирождённым архитектором. Вместо привычной деревенской избы с парой комнат да кухней он сумел построить настоящий терем. Вначале-то был обыкновенный сруб из могучих брёвен и русская печь. Потом добавилась тёплая горница, две просторные веранды: у парадного входа и со стороны кухни, с выходом в сад. На чердаке, обычно заваленном всяким нужным и ненужным хламом, дед соорудил уютную, всю в деревянном кружеве, мансарду.

Иван Николаевич мечтал стать родоначальником большой семьи, Анна Степановна тоже, но Господь даровал им только двух дочерей. Конечно, когда появились зятья и внуки, все комнаты оказывались заняты. Лидя с Сергеем занимали парадную веранду, светлую, просторную комнату с резной кроватью под пологом. Катина мама любила тепло, она предпочитала тёплую горницу с отдельной печкой, и даже летом притаскивала охапку дров и топила эту печку. Катюшина комната примыкала к бабушкиной спальне. Эта комнатка походила на кабинет. Стеллажи с книгами, письменный стол, этажерка и необыкновенный старинный диванчик с полочками и откидными валиками. Мансарду на чердаке облюбовали Катины сестрёнки Инна и Нина. Как только они подросли и освоили лестницу, то заняли мансарду. Шустрым девчонкам не лень было лазить вверх-вниз. Дом тогда вечно шумел и гудел. Куда всё делось? Приезжают нечасто, поврозь, ненадолго.

Катюша вздохнула, протяжно и печально. Но под одеялом было так тепло и уютно, так славно пахло и шуршало сено, рядом не было никакого вредного и противного будильника (злее врага, чем этот мерзкий визгливый будильник, у Кати не было). Грусть удалилась, зато

на мягких лапах приблизился сон, принялся ласково обволакивать, обещая приятную возможность наконец-то отоспаться. Катюша столько об этом мечтала, изо дня в день поднимаясь под вопли будильника на занятия! Засыпая, она ещё успела подумать, что эти каникулы, последние в её жизни каникулы, должны стать самыми необыкновенными и незабываемыми.

Глава вторая, ознакомительная

Утренний сон, да на свежем воздухе, в деревенской тишине, был необыкновенно сладок, и Катя проспала довольно долго, а, проснувшись, всё ещё медлила вставать и покидать своё волшебное ложе. Но тут её ухо уловило негромкий разговор. Ровный, спокойный голос Анны Степановны и звонкий, переливчатый голосок Галинки, бабушкиной соседки и любимой Катинной подружки:

– Тётъ Нюр, Катюша приехала?

– Прибыла, прибыла. Вчера с последним автобусом явилась.

– Здорово! А она что, спит ещё?

– Да спит, поди. С вечера забралась на сеновал, говорит, ностальгия одолела, про урбанизацию с цивилизацией хочет напрочь забыть. Так вот до сей поры и не слезала, полсуток проспала. Так что лезь, буди, и давайте завтракать. Я сейчас из печи пышки выну и самовар взбодрю.

Бабушка пошла в дом, а топоток Галинкиных ножек приблизился к сеновалу, скрипнула, распахиваясь, дверь – и вот она, Галка, смеясь, шлёпнулась рядом, прижалась прохладной щекой к Катинной щеке:

– Ты приехала! Как же я рада тебя видеть!

– Здравствуй, подружка дорогая! Я тоже соскучилась. Но теперь всё лето мы будем вместе. Как ты тут?

– За-ме-ча-тель-но!!! Мне столько нужно тебе рассказать! Моя жизнь скоро изменится.

Катя внимательно посмотрела на подругу. Они дружили чуть не с самого рождения. Дома стояли рядом, девочки во время Катюшинных приездов не расставались ни на минуту, у них были общие игрушки, одни на двоих качели, сооружённые Галкиным отцом, один домик для игр, построенный Катинным дедом. Зачастую подружки и ночевали в одном доме, и обедали, и ужинали друг у друга. Став постарше, Катя меньше времени проводила у бабушки, лишь на каникулах и изредка в праздники, но связь с Галинкой была такой прочной, что расстояние несколько не мешало им дружить по-настоящему.

В периоды расставаний они писали пространные письма: Галка – простые: о природе, о соседях, о прочитанных книгах и просмотренных фильмах; Катюша живописала дискотеки, отношения с мальчиками, новые одёжки. Да мало ли о чем могли писать девчонки!

Даже такие совсем разные. Городская Катя из небедной семьи выглядела утончённой и изысканной, мама всегда одевала её ярко и модно, учила укладывать белокурые локоны в хитрые причёски. И косметикой не только не запрещала пользоваться, а учила правильно применять, чтобы подчеркнуть и так щедро отмеренную природой красоту. И характер у неё был соответствующий. Быть лидером, хозяйкой любого положения, привлекать внимание – только так. С детства Катя не признавала поражений, привыкла добиваться своего любыми средствами.

А простая, бесхитростная, доверчивая Галинка, чёрненькая, скуластенькая, с круглым неброским личиком, небольшого росточка, с неидеальной, чуть тяжеловатой фигуркой казалась на фоне своей шикарной подруги совсем незаметной. Да она и не старалась, чтобы её заметили. Не было в ней никакого тщеславия, желания выделиться. Стройной светловолосой Кате цыганистая Галинка никогда не завидовала, успехам подруги в отношениях с парнями только радовалась, улыбалась ласково: «Ну кого же любить, если не Катюшку!» И Катя очень ценила, что подружка ей не соперница.

В детстве по именам и внешности их звали Котёнок и Галчонок. Со временем Котёнок превратился в роскошную грациозную кошку, а Галинка так и осталась невидным галчонком.

И в то же время была в ней какая-то неуловимая прелесть: в добрых глазах, в ласковой улыбке, во всей этой мягкости и этом дружелюбии.

А судьба этой тихой девочке досталась нелёгкая. Закончив медучилище, Галка хотела поступать в институт, но слегла совсем её мама, давно болевшая, рано постаревшая деревенская женщина. Отец сломался, запил, и пришлось Гале, отказавшись от мечты, взвалить на себя заботу об умирающей матери, слабом отце, о доме и огороде. В восемнадцать лет осталась она совсем одна. Умерла от рака мама, отец ушёл следом за женой, которую любил так, что не смог справиться с потерей. Они всегда были вместе и ушли вместе, оставив дочь одну-единёшеньку, даже дальних родственников у них не оказалось.

Щедро отмеренные судьбой испытания не озлобили и не омрачили Галкиной души, она осталась светлой и лёгкой. Катя очень ценила человеческое тепло, исходившее от Галинки, дорожила этой дружбой. Катюша вообще с девчонками не дружила, относилась к ним несколько свысока, сознавая своё превосходство, а с Галкой отношения были такими постоянными и тёплыми, что иная дружба была и не нужна. Галку она просто любила и очень уважала. Думая порой, как бы она, Катя, повела себя на Галинкином месте, была уверена, что просто пропала бы, а подруга ничего, живёт себе и всему радуется.

Работает сельской медсестрой с крошечной зарплатой и огромной нагрузкой, вся медслужба в одном лице. Выслушивает бесконечные жалобы одиноких стариков, ходит по разбитым дорогам в дальние деревушки, прихватывая кому хлеб, кому почту, в любое время, в любую погоду. И всегда ровна и приветлива, всегда улыбается и шутит.

Катюша не понимала, как можно жить в глуши, ей казалось, что подруга хоронит себя заживо, только в городе можно найти и себя, и свою судьбу. Галка посмеивалась в ответ: «Судьба и за печкой сыщет!», объясняла, что не может покинуть могилы близких людей, оставить нуждающихся в ней стариков, порой брошенных собственными детьми. И домик без неё пропадет, он цел, пока в нём живёт Галинка. Склонной думать в первую очередь о себе, Катюше казалось, по меньшей мере, странным, что эта молоденькая девушка взяла на себя огромную ответственность за всех и стала всем необходимой и нужной. Катя же пока думала только о себе, о своём счастье, о своих маленьких и немаленьких потребностях и радостях. Она привозила подруге глянецовые журналы, косметику, обижалась слегка, не замечая у Галки интереса ко всему этому, понимая, что всякие женские хитрости и штучки её не привлекают, удивлялась, не видя женщину со всеми присущими этому полу слабостями, зато видела надёжного друга.

А сейчас вдруг бросились в глаза какая-то необычность в облике подруги, какое-то новое выражение на лице. Они одновременно затараторили:

– Ой, ты ещё красивее стала, уж кажется, больше некуда! А пеньюарчик-то какой, как раз для сеновала.

– А с тобой-то что? Глазки горят, щёчки блестят! Необычная, непривычная вся.

Галка действительно сияла. В чёрных глазах сверкали золотые искорки, смуглые щёки алели ярким румянцем, некрупные зубки сияли в постоянной улыбке.

– Так-так! – Катя лукаво погрозила пальчиком. – Что-то я сейчас узнаю из личного дела Галины Васильевны, ну очень-очень личного дела. Угадала?

– Угадала! – Галя порозовела до самых волос. Почему-то смуглая Галинка краснела по любому поводу, а белокожая Катя – никогда. – Я выхожу замуж! Как ни пряталась за печку, судьба меня разыскала.

Глава третья, ошеломительная

От такого сообщения Катя утратила дар речи и пришла в некоторое стрессовое состояние. Насколько ей помнилось, женихов в деревне особых не водилось, летние отдыхающие склонны были лишь к коротким связям, и Галкина личная жизнь никак с имеющимися объектами не вязалась. Неужели от безысходности подруга собралась замуж за какого-нибудь чумазого аборигена, весь культурный уровень которого уместается в стакане паршивой самогонки? Ведь по деревенским меркам девушка за двадцать – уже кандидатка в старые девы, с замужеством запаздывать нельзя, того гляди доброхоты изьяны найдут. Но Галка искрилась и сияла, на безысходную с изьянами не походила, и всё же вопрос Катин прозвучал почти испуганно:

– И кто же наш избранник? В каком здешнем болоте вырос сей принц?

– Катенька, не язви! Я и так волнуюсь, не знаю, с чего начать. – Галкины щеки продолжали полыхать. – Он и в самом деле мой принц. Такой, знаешь, необыкновенный!

– Да откуда принцу-то здесь взяться? – Катя пришла в себя и жаждала подробностей, а Галка от смущения ничего толком не объясняла. – Что-то я у нас в округе дворцов не наблюдала, Золушка ты моя!

– Ну, Катюш, ну ты послушай спокойно! Помнишь бабу Лизу?

Конечно, Катя помнила бабу Лизу. Одинокая древняя старушка жила на самом краю села, держала пчёл и всё время потчевала девчонок свежими огурцами, политыми мёдом, вместо арбуза. Галка помогала ей, чем могла, летом Катя присоединялась к подруге. Они таскали воду, поливали и пололи огород, приносили продукты из магазина, а взамен получали сколько хотели «арбузов», слушали старые-престарые деревенские байки и анекдоты, и необыкновенные сказки. До сих пор Катя помнила эти никогда после не слышанные добрые светлые сказки. У бабы Лизы никого не было, всех ребятишек она считала внучатами, но особенно привечала Галинку, а когда та осиротела, стала ей настоящей заботливой бабушкой. Катя очень любила бывать у бабы Лизы и сказки её всегда слушала с удовольствием, и огурцы с мёдом были вкусны необыкновенно.

– Отлично помню. Но она же умерла давно!

– В прошлом году. – Галкино личико омрачила тень печального воспоминания. – Не болела совсем, просто велела каждый день заходить, чтоб ей долго не лежать. Я ещё поругала её, что весной помирать вздумала, а через день пришла – и всё. Похоронили, стали бумаги разбирать и оказалось, что дом она мне оставила.

Катя не выдержала, влезла:

– О, да ты у нас богатая невеста! А принца в сундуке откопала?

– Кать, прошу тебя, потерпи, не сбивай! Дом-то хороший, крепкий, но свой же я не оставлю! Пока думала, что с ним делать, пришли ко мне из сельсовета. В школу нового директора назначили, а с жильём сама знаешь, как у нас. В общем, попросили пустить квартиранта. Конечно, я согласилась, пусть живёт, говорю, как появится, ключи сразу дам и всё покажу. Думала, приедет дядечка плешивенький с женой и детишками или какая-нибудь классная дама почтенная, да пусть себе живут. Поговорили и ладно, я и забыла почти. А как-то вечером в дверь постучали. Да ведь ко мне часто приходят, то укольчик сделать, то давление померить, то таблетку какую. Без задней мысли дверь открыла, а там – он!

– Ну наконец-то до принца дошли! Значит, педагог, да ещё и директор.

– Да, Кать, настоящий педагог, по призванию. Он столько знает, такой умный! А ещё он очень добрый и необыкновенно красивый!

– А чего ж в деревню поехал? Красивым и умным и в городе неплохо!

– Он диссертацию пишет о проблемах образования на селе, о малокомплектных школах. Хочет практически всё изучить, а не хватать с потолка. – Галка говорила с гордостью, будто это

она решает проблемы обучения деревенских ребятишек. – Для него это очень важно, чтобы у всех ребят были хорошие знания, чтобы наши не были второсортными.

Катя к этим возвышенным словам отнеслась скептически:

– Больно хорош твой принц, мне это подозрительно.

– Вот я вас познакомлю, сама всё увидишь. Вечером придёшь ко мне, посидим, поговорим. Дымыч тебе понравится, не сомневайся.

– Дымыч? Это как, Митька что ли?

– Не Митька. Вадим Вадимович. Это я его так зову, Дымыч. Он учился печку топить, так поначалу целый дом дыма был, я и дразнилась. Теперь дыма нет, а Дымыч остался. Его и детки в школе Дым Дымычем зовут. Он замечательный, правда, Катя. И я очень-очень счастлива.

Катюша не знала, что и сказать. В сказочное описание не очень верилось, лично ей сто-процентные принцы не попадались, а Галке – пожалуйста. Скорее всего, мало с кем общающаяся Галинка увидела принца в первом встречном, просто увлеклась новым человеком из другого мира. Разочаровывать сияющую подругу Кате не хотелось, решив, что пока не увидит новоявленного жениха, сказать всё равно ничего не сможет, произнесла только:

– Поздравляю тебя! А теперь пойдём завтракать и на речку. Купальный сезон открыт?

– Да, вода уже прогревается. Правда, мы с Дымычем после работы ходим, вечером. Но дачники с утра плескаются, и довольны.

«Мы с Дымычем» Катю задело. Обставила её Галка! Они, значит, с Дымычем, а Катя – без никого. Ведь это она должна была первая рассказывать о принце, о замужестве! С трудом Катя сумела отмахнуться от глупой обиды и ревности:

– Ну раз ты здесь в такое время, значит, не работаешь, и купаться пойдём днём. Я так по нашей речке соскучилась! Но сначала завтракать!

Глава четвёртая, дыхательная

Пока Катя умывалась за печкой, задорно стуча носиком допотопного рукомойника, пока искала в сумке подходящую одежду, пока надевала купальник, шортики и маечку, Галка с Анной Степановной накрыли к праздничному завтраку стол. Обещанные пышки золотились на блюде, в старинных вазочках толстого стекла помещались мёд и варенье, в самоваре сварились яйца, и сам самовар важно пыхтел на столе.

От всего этого изобилия у Катюши слюнки потекли, и она прямо-таки прыгнула за стол. Разломив горячую булочку, одну половинку намазала маслом, вторую полила мёдом, куснула от одной, от другой, запила душистым чаем и зажмурилась от удовольствия:

– Ах, вкуснота! Это вам не кофий с синтетической колбасой! Вот это завтрак так завтрак!

Жуя и пробуя то и это, Катя и думать забыла обо всём. Ей было просто вкусно и приятно, и радостно сидеть в бабушкиной тёплой кухне. А Анна Степановна всё подкладывала и подбадривала:

– Жуйте, жуйте, девчонки! Плотненько подкрепиться перед прогулкой надобно. Ты вон у меня совсем молочная, – обратилась она к внучке. – Надо, надо щёчки подрумянить булочками да солнышком.

– А идеальная фигура? – продолжая жевать, засмеялась Катюша.

– А для фигуры фитнес в огороде, шейпинг на сенокосе! – парировала бабушка, блеснув познаниями в области светской жизни. – Нынче погуляйте, дело молодое, а потом, не обессудь, физические упражнения я тебе обеспечу.

– Лады, бабуль! Обязуюсь быть Тимуром и его командой всё лето. А пока спасибо огромное! Ох, не встать! Сейчас приберёмся, соберёмся – и на речку!

– Ступайте, ступайте, гулёны! Денёчек-то сегодня как по заказу, как раз для моциона и водных процедур.

С трудом выбравшись из-за стола, подружки помогли навести порядок на кухне, побросали в сумку полотенца и выбежали из прохладных сеней на залитую жарким солнцем улицу. Солнце было по-настоящему летним, небо необычайной голубизны оттенялось белоснежными хлопьями высоких облаков.

– Лето, ах, лето! – запела Катя, кружась по тропинке. Почти вприпрыжку девушки спустились к речке и дальше пошли медленно по берегу, поросшему дикой клубничкой, расцвеченному яркими пятнышками малиновых гвоздичек, желтоглазых ромашек и задумчивых колокольчиков. Воздух, прогретый щедрым солнцем, был горячим и густым от цветочно-травяных ароматов. С реки тянуло влажной прохладой; смешиваясь, свежие и жаркие волны создавали коктейль, который, казалось, можно пить. У Катюши даже голова закружилась от этого сладкого, упоительного воздуха.

Купаться можно было везде, песчаные пляжики, обмываемые хрустально-прозрачной, ласково журчащей водой, мелькали повсюду. Но у девчонок было одно заветное, любимое местечко, в отдалении от основных мест отдыха, и ради этого уголка стоило пройти лишний километр.

Речушка тут круто поворачивала, и среди зарослей ивняка скрывался маленький песчаный мысок, языком вливаясь в воду. По обе стороны мысочка образовались тихие, прогреваемые насквозь омутки, отлогие бока косы позволяли лежать в воде, как на песчаном матрасике, ощущая всем телом плавное покачивание, ласковое щекотание шелковистых струй. С берега за кустами мыса не было видно, только со стороны реки обнаруживался этот дикий затерянный пляж. Ещё совсем юными Галинка с Катюшей нашли это местечко, уходили туда на весь день, строили песчаные замки, болтали, мечтали, отделившись от остального мира.

Раздвинув гибкие ивовые прутья, путешественницы пролезли на открытый песок. Ногам сразу стала горячо, тихая заводь накалилась полуденным солнцем. Катя первая сбросила одежду, следом за ней стянула сарафанчик и Галинка. Купальник Катюши трудно было назвать одеянием. Лоскуток с верёвочкой на бёдрах, два лоскутка на высокой груди – вот и весь наряд. Поразмыслив мгновение, Катя стряхнула с себя и то небольшое, что ещё прикрывало её. Потянулась, безупречно красивая, полностью обнажённая. Кожа поражала белизной, только розовым перламутром выделялись соски да золотистые кудряшки внизу живота (Катя была натуральной блондинкой). Галка не сдержала восхищения:

– Против тебя даже Венера слабовата! Ослепнуть можно от такой красоты!

Катя шлёпнулась на горячий песок, не подстелив даже полотенце:

– Отдаюсь природе вся! Ну а ты чего? Знаешь, как приятно всей шкуркой жариться! Давай, всё скидывай, нет же никого.

Галка не решалась избавиться от купальника. Плотный лиф, штанишки шортиками – сама скромность. Но, подчинившись уговорам подруги, смущаясь и краснея, разделась и она. Кожа смуглая, но скрываемая купальником, всё же чуть светлее, загар уже успел её отметить. Бёдра широковаты, ножки полноваты, грудь крепкая, но небольшая. Галинка даже вздохнула тихонько, осознавая разительный контраст с подругинными формами. Но её тело было крепким, плотным, медовая кожа казалась шёлковой и блестящей, чёрные волосы тоже блестели и переливались, и Галка была по-своему хороша, хоть и не осознавала этого. Два обнажённых тела, белое и смуглое, олицетворение свежести и красоты, доверили палящему солнцу всю свою прелесть.

– Счастье-то какое! – глуховато, в песок, проговорила лежащая на животе Катюша, не открывая глаз. – Покой, тишина, природа – никакой цивилизации!

Но не тут-то было. Тишину нарушил отдалённый плеск вёсел, приглушённые голоса. Туристы-байдарочники давно облюбовали эту шуструю чистую речку для своих летних вояжей. Галка, взвизгнув, схватила полотенце, судорожно принялась заворачиваться, прячась от чужих глаз. Катя даже не шевельнулась:

– Это мой пляж, моя река, моё тело, в конце концов! Как хочу, так и отдыхаю.

Байдарка медленно проследовала мимо, держась ближе к противоположному берегу, где было поглубже. Сидящие в ней, похоже, на подруг не обратили внимания, следуя своим курсом. Облегчённо вздохнув, скромница-Галка влезла в свой целомудренный купальник:

– Бесстыдница ты! А если б им причалить вздумалось, а тут – нате вам, голые девицы. Стыдоба!!!

– Подумаешь! – Катя по-прежнему лежала вниз лицом и говорила нечётко: – Это их проблемы, не мои. Я сюда никого не звала.

– Нет уж, я больше рисковать не буду, не нудистка я.

– Ты зануда! А с принцем по ночам тоже одетая плаваешь?

– Конечно! Мы же просто купаемся.

– И что? Замуж собираешься, и просто купаетесь? А любовь?

– А что любовь? – Галя никак не могла понять смысла подругинных расспросов.

– Ну любите вы платонически только, что ли?

Катя, с любовью неплатонической знакомая уже довольно хорошо, смотрела недоверчиво. Галинка, сурово сдвинув тёмные бровки, опять пунцовая, произнесла строго:

– Вот именно любим! Вадим очень меня уважает, и настоящей женой ему я стану после свадьбы.

– Слушай, ты просто питекантроп! Впрочем, у них с этим было просто. Ты средневековая. А если вы друг другу не подойдёте или ещё что? Надо же проверить, какой мужик. Ты ж медик, всё знаешь, опасностей избежишь.

– Я ничего не боюсь. Я люблю его и верю ему.

Катя пожала плечами, протянула задумчиво:

– Ну не знаю. Мне кажется, кандидата в мужья нужно изучить со всех сторон.

– А ты многих изучила?

– Не многих. Но бывало. И я теперь знаю, что это такое.

– А я хочу узнать только с любимым мужем! И не будем об этом.

Но Катерину было трудно остановить:

– Ну ладно ты! А он-то, молодой мужик, и не предлагал даже? Я бы обиделась.

– Постель – не предлагал. Предложил руку и сердце, и свадьба у нас в августе. Ты, конечно, главный гость.

Про себя Катя решила, что хваленый Галкин Дымыч в лучшем случае заумный «ботаник», которого не волнуют земные радости, а то и вовсе импотент, но опять ничего не стала говорить вслух. Больше эта тема не обсуждалась, и Галинке не пришлось заливаться алым румянцем.

Они позагорали, поплавали, всей кожей радуясь нежному солнцу, свежей воде. Назад пошли не берегом, а по светлomu, звенящему сосновому бору, наслаждаясь этим сияющим летним днём. Галинка поспешила домой: готовить вечерний приём по поводу знакомства с женихом, а Катюша отправилась к бабушке, чтобы, наконец, пообщаться с нею, обсудить эту новость. Да и себя предстояло привести в порядок, какой бы кавалер ни оказался, Катерина любила произвести впечатление.

Глава пятая, банкетная

Сколь ни мудра поговорка «не родись красивой, а родись счастливой», для Кати пока сознание собственного очарования было основополагающим. Как ни крути, встречают-то по одежке, поэтому Катюша считала свою привлекательную внешность определяющим фактором в жизни, использовала её и наслаждалась восхищёнными взглядами. Да и как можно было её за это судить, если, едва родившись, Катя постоянно слышала: «Ангелочек! Красотулечка!» и прочие лестные эпитеты, если и в детском саду, и в школе, и теперь, в институте, ей многое прощалось и дозволялось именно благодаря хорошенькому личику. Хоть и головка на плечах была не глупенькая, но внешность использовалась пока, пожалуй, чаще.

Вот и сейчас, старательно укладывая волосы, подводя глаза, подбирая одежду, Катюша подсознательно предвкушала, как поразит нового знакомого.

Выйдя, наконец, из спаленки на бабушкин строгий суд, Катя предстала перед ней во всём своём блеске.

– Ну, как у тебя внучечка?

– Хороша, спору нет! – Анна Степановна не могла не оценить внучкиных стараний. – Звезда, да и только! Но я думаю, тебе не стоит особо стараться. Вадим на Галку не надышится, на других и не глядит.

– Да где здесь у нас другие-то? Выбора нет, вот Галинке и повезло.

– А ты злая! – поразилась бабушка. – Неужто позавидовала подружке? Напрасно. И выбор здесь есть, особенно сейчас, всякие понаехали, студенточки грамотные, штучки столичные. Просто Вадим умный человек, он увидел золотую Галкину душу, она у нас редкой доброты и сердечности девушка.

Катя слегка устыдилась. Разумеется, бабушка была права, но ведь Катюша привыкла считать себя самой-самой лучшей, и то, что Галка опередила её в личном счастье, Катю царапнуло и заставило позавидовать. Но собственное отражение в зеркале, откровенное платье, блеск глаз, белизна зубов опять убедили её в собственной неотразимости и подняли настроение. Назначенное время приближалось, Катя попрощалась с бабушкой и пошла к соседнему дому. Из окна слышалась музыка, и доносились вкусные запахи. Галинка рано научилась готовить, достигла в этом деле большого мастерства, и Катя с удовольствием потянула носом: вкусно поесть она любила.

Подруга встретила её радостной улыбкой. Стол уже был парадно накрыт, в глиняной кринке красовался букет лохматых пионов, а сама хозяйка – в простеньком платьице и совершенно без косметики. И, как всегда, без зависти восхитилась:

– Опять несказанно хороша! Да вот кавалер-то у нас всего один.

– Да я не для кавалера принарядилась, – покривила душой Катя. – Просто вроде званый вечер, положено при параде быть.

– Ну какой там званый вечер! – отмахнулась Галка. – Просто отметим твой приезд и знакомство. Правда, я волнуюсь что-то.

– А я-то как волнуюсь! Не каждый день лучшая подруга с женихом знакомит. А где, кстати, жених?

– Он пунктуален до невозможности. Сказано в восемь, значит, войдёт ровно в восемь.

И точно, едва старые Галинкины настенные часы принялись с чахоточным хрипом отбивать восемь ударов, раздался стук в дверь, и жених предстал перед девицами.

– Дверь тихонько отворилась, и в светлицу входит царь! – продекларировала Галинка, смущаясь и розовея. – Вадим Вадимович, Дымыч, мой дорогой и любимый человек! А это – Катенька, самая лучшая и любимая моя подружка!

– Здравствуйте, красавицы! – Жених вручил Галке позвякивающий пакет, поцеловал невесту в щёчку, галантно наклонился к протянутой Катиной руке.

Катюша сумела приветливо выговорить:

– Здравствуйте! Очень рада знакомству!

Но внутри всё её существо вопило и кричало: «Почему?! За что?!» Зависть затапливала душу. Очкастый, лысоватый, заумный ботаник, который представлялся в воображении, оказался мужчиной её мечты! Высокий широкоплечий атлет (ну просто классическая скульптура!), копна пшеничных, слегка вьющихся волос, выразительное лицо. А глаза! Большие, яркие, зелёные, как крыжовины у бабушки в саду. Брови и ресницы темнее волос, словно подкрашенные, россыпь веснушек на переносице, чётко очерченные губы – портрет из галереи, оживший идеал! Одежда, как вторая кожа: трикотажная рубашка и вельветовые джинсы сидят, как влитые, ботинки без единой пылинки (и это на деревенских тропинках). Пахло от него чем-то вкусным и явно недешёвым. Да, с таким в любом обществе не стыдно показаться! И это – жених Галинки! Да она и незаметна на фоне такого мужчины! Смятение, зависть боролись в Катиной душе с добрым отношением к подруге. Но что она могла поделать, если сразу, моментально захотела такого же счастья для себя. Кое-как сумела всё-таки сдержаться и затараторила весело:

– А стол-то ждёт! И кушать хочется. Предадимся низменным радостям пианства и чревоугодия. И поводов у нас достаточно, и закусь на столе, и призывный звон бутылей я слышала.

– Конечно, пора к столу! – подхватила и Галинка. – Что ж это мы всё церемонимся. Усаживайтесь, устраивайтесь и начнём!

– Да, милые дамы, начнём наш чудный вечер! – Вадим поставил на стол бутылки, открыл шампанское. – По первой за знакомство!

И пошло-поехало! Поначалу они благопристойно отпивали по глоточку. Глоточков набралось много. За дружбу, за любовь, снова за знакомство, за молодых, за Катю, опять за любовь. Пребывающая в стрессовом состоянии, Катюша пила, не задумываясь и не отказываясь, окончание банкета помнилось ей смутно. Вадим провожал её до дому, и, находясь под воздействием возлияний, Катя отчаянно с ним кокетничала и едва ли не тащила на сеновал. Практически трезвый кавалер отводил её руки, пытавшиеся обнимать, говорил что-то бодряще-утешительное, вежливо простился и удалился, оставив не совсем адекватную Катерину в расстроенных чувствах. В платье и босоножках она вползла на сенное ложе, укуталась лоскутным одеялом и провалилась в сон.

Глава шестая, похмельная

И проснулась Катя расстроенная. Вспомнила вчерашние прегрешения: «И чего это меня занесло?» Вначале-то всё шло чудесно и вполне прилично, они много шутили, болтали о том, о сём, вспоминали разные смешные истории. А потом Катя принялась строить глазки, Галка, вероятно, заметила и переживала. Дальше – и того хуже, приставать взялась к чужому мужику! Вадим Катеринины приставаания отверг, и спала она в платье и даже в обуви. Ужас! Кроме душевной сумятицы, обнаружилась и головная боль. «Вот только похмелья мне не хватало!» – охая и постанывая, Катя в мятом платье, с босоножками в руках, прошлёпала в дом. Первым делом зачерпнула кружку ледяной колодезной воды, выпила жадными глотками. От умывания этой же бодрящей водой в голове прояснилось и посвежело, и телу полегчало, но забравшийся вчера в душу колючий ёжик зависти закопошился и выставил иголки. «Ах, какой мужик!» – Катя была собой недовольна, но поделаться ничего не могла. Так хорош был Вадим, так её привлек, таким был (по Катиному разумению) для неё подходящим, а принадлежал другой! Ах, если бы другая была не Галинка! Тут бы Катю было не остановить, но причинять боль доброй, бесхитростной подруге, которая действительно достойна счастья, Катюше совсем не хотелось.

Но как же её задевало, что простушка Галка «за печкой» сыскала такого парня, а красавица Катя в многолюдном городе никого подобного обнаружить не смогла. И всё-таки, и всё-таки... Для Вадима она, Катюша, куда более подходящая пара, нежели Галинка. Катя завидовала, злилась на себя, злилась на Вадима за его обидное к ней равнодушие, и стыдилась этой злобы. Да ещё Галка! Эгоизм в Кате был, всегда хотелось получать самое лучшее, но подлой-то она не была!

Организм потихоньку оживал и запросил завтрак. Зная, что бабушка внучку голодной не оставит, Катюша полезла в печку, достала ещё тёплые оладьи, пышные, румяные, какие могли состряпать только заботливая бабушка и её верная помощница-печка. И самовар ещё не остыл. Аппетитные оладушки с мёдом, ароматный чай с травками доставили удовольствие и оживили страдальцу. Сил прибавилось, но грусть всё не отступала, и Катя решила прогуляться, навестить лес, проведать папоротники. Для неё, коренной горожанки, общение с природой было лучшим способом поправить настроение, и не раз Катюша этим пользовалась в моменты душевного смятения. Покопавшись в кладовке, она выудила старые спортивные штаны, пёстрый самовязанный свитерок, сунула ноги в резиновые сапожки, нахлобучила кепочку с пуговкой, ещё дедушкину. Глянула в зеркало – Гаврош, да и только, к тому же очень бледненький Гаврош. И лицо было хмурым, пришлось Кате старательно поулыбаться самой себе, возвращая радостное выражение, чтоб бабушку не пугать. Бабушку ещё нужно было найти, доложиться, отпроситься, возможно, выслушать воспитательную речь: скрыть вчерашние грехопадения вряд ли удастся.

Бабушка нашлась в огороде, пропалывала грядки до жары. Выполнение Катиного обещания быть Тимуром, да ещё и с командой, пока откладывалось, но Анна Степановна и не собиралась загружать внучку, понимая, что юность быстротечна и то, что судьба готовит, неизвестно, да и возможности отдохнуть всласть в дальнейшем может и не представится. Катя быстро заговорила, покаянно склонив голову:

– Бабуль, пусти в лес. Я потом отработаю.

Бабушка явно поняла, что внучка вчера загуляла, но воспитывать не стала. Усмехнувшись на Катюшин внешний вид, лишь сказала чуть язвительно:

– Сбросила городскую шкурку, Котёнок? Из принцесс в золушки? Давай я тебя пугалом подряжу!

Катя уже по-настоящему улыбнулась в ответ:

– Вернусь, поговорим! Смотря почём заплатишь.

– Я подумаю, сколько такая пугалка может стоять, – тоже улыбнулась Анна Степановна. – Пройдись, конечно, лесовушка, да возьми беркушку, колосовики пошли, может, найдёшь гриб-другой, чего попусту бродить. А к обеду возвращайся.

– Постараюсь! Но ты особенно не волнуйся, если задержусь, свой режим не нарушай. Я очень-очень по лесу соскучилась, хочу со всеми поздороваться.

Бабушка прекрасно понимала внучку. Именно бабушка, тогда ещё молодая и сильная женщина, водила крошечную девочку по окрестным местам, показывала потаённые уголки, учила распознавать растения, собирать грибы и ягоды, просто любить и ценить всё, что растёт и цветёт вокруг. Сама Анна Степановна до сих пор постоянно навещала леса, бродила среди деревьев, наслаждалась редкостным покоем и безмятежностью. Катюша лишена была этого долгие месяцы, проводя их в бетонном, суетном, тесном городе, и сейчас ей следовало всласть надыхаться, налюбоваться тихой прелестью среднерусского леса.

Катя сдёрнула с головы кепочку, помахала ею на прощание, дурашливо поклонилась. Забежала в дом за корзинкой (та самая беркушка) и ножиком, и, вооружившись, зашагала в «джунгли».

Глава седьмая, лесная

Лесной уголок, куда направлялась Катюша, редко посещался окрестными жителями, а уж тем более заезжими отдыхающими. Несколько километров считались большим расстоянием, грибные и ягодные места можно было обнаружить куда ближе. К тому же едва заметная тропка проходила по болотцу, где ютились шипучие гадюки, чувствовавшие себя местной властью и совсем не ласково встречающие непрощенных гостей. Охотников общаться с ними находилось мало, шлангоподобные гады надёжно охраняли покой старого леса.

Когда-то эта тропинка, по которой сейчас легко ступали Катины ножки, была проезжей дорогой, ведущей в лесную деревушку, давно исчезнувшую с лица земли. В этой деревеньке в давние времена жили предки Анны Степановны, а значит, и её, Катюшины, далёкие родичи. Женщины их семьи не забывали дорогу к остаткам родового гнезда, и Катя хорошо знала эту дорожку, навевалась туда, где много лет назад стояли рубленные из огромных деревьев избы. Избы эти ставились на здоровые валуны, размером с целого кабана. До сих пор замшелые огромные камни указывали расположение домов, где когда-то жили, любили, радовались и печалились далёкие-далёкие предки.

Лес с каждым годом всё старательнее прятал прошлое, но совсем стереть не мог, из года в год Катя безошибочно находила старый фундамент бывшего дома. Дом давно исчез, но у Анны Степановны сохранилось кое-что из бывшей в нём раньше утвари. Большущий, с хитрым узорчатым ключом замок до сей поры исправно запирает бабушкин сарай, несмотря на столетний возраст. Остались древние, тёмные иконы, ковкая ажурная лампадка, фигуристая керосиновая лампа. Остались и продолжали служить верой и правдой. Исчезла деревенька, пропали дома, но сохранилась память, и Катюша, сидя на шершавой спине валуна-кабанчика, всегда ощущала себя хранительницей этой памяти и чувствовала некую ответственность за сохранность воспоминаний в ней самой, в её будущих детях.

Вспоминая, размышляя, обдумывая, Катя шлёпала по дорожке, не замечая расстояния. Вот и болотце чавкнуло под сапогами. Гадюки не показывались, видно, не думали о возможных посетителях и расслабились. Преодолев болотце, тропинка пошла в горку, и вот он, край волшебного леса, куда так стремилась Катюша.

Просторная поляна, окаймлённая берёзами и елями, чья тёмная игольчатость и нежная ажурная зелень так красиво подчёркивали друг друга, вся заросла могучими папоротниками. Это огромное папоротниковое море вздыхало, шелестело и перешёптывалось, ветер гнал зелёные волны. Картина, достойная кисти художника! Эта картина всегда поражала Катю, заставляла её замирать в восхищении: затаив дыхание, она подолгу наблюдала за лёгкими переливами кудрявых листьев, слушала их нежный шелест.

Когда бабушка впервые привела сюда маленькую внучку, папоротники доставали Катюше до пояса, ей казалось, что она плывет по изумрудному морю-океану. Теперь она выросла, но чувство удивления и восхищения осталось, и дыхание перехватывало от этого чудного пейзажа. «Ах, какая красота! Спасибо природе!» – Катя остановилась, справляясь с необъяснимым волнением. Как странно! Современная городская девушка, не особо романтическая, не склонная ни к каким проявлениям слащавого умиления, только здесь она превращалась в нежную и трепетную дочь русской природы.

Среди ровных и стройных берёзок по краям папоротников была одна, вернее, три, сросшиеся вместе, кривоватые старые березы. Нижняя, тройная, часть отклонялась в сторону, а дальше три ствола разделялись и тянулись вверх. Получалось широкое уютное кресло с бесконечной спинкой, в котором можно было славно устроиться, помечтать, да и подумать.

Подумать бы не мешало, но угнездившейся в берёзовом кресле Катюше никакие мысли в голову не шли. Она бездумно смотрела на папоротники, ощущала тепло берёзовых ство-

лов, слушала звонкое чириканье птиц и пребывала в полусне-полуяви. Ей было хорошо и спокойно, словно белоствольное кресло было ласковыми руками доброго великана, в чьих ладонях помещалась вся Катюша, будто совсем-совсем маленькая. Она мысленно вернулась в детство. Мелькнуло какое-то воспоминание, связанное с шелестящим папоротником. Сказка! Удивительная сказка про любовь, про лес, про папоротник, из тех, что сказывала покойная баба Лиза. Сколько же она их знала! Да и общеизвестные у неё звучали по-другому. Колобка никто не ел, теремок не давил, всё было хорошо. Но эта сказка была особенной. Катя тихо сидела, прикрыв глаза, а её память, как бы сама по себе, проявляла дивную историю. И тихо-тихо было кругом, только папоротники вздыхали и шелестели, словно нашёптывали что-то...

Глава восьмая, сказочная

В старые-стародавние времена стояла в лесу одиноко крохотная избушка. Жил в ней лесник Аким. Давно жил, долго. Знал в лесу каждое дерево, каждый кустик, понимал звериный разговор, птичий перезвон, а с людьми и парой слов не обменивался. И не было у него никого, кроме внучки. Жена померла давно, дочка с зятем в большой город на заработки подалась, да там и сгнули, а внучечка так и осталась в дедовой избушке. Учил Аким девочку всему, что сам знал, говаривал: «Лес напоит, накормит, от беды укроет, не обидит, а люди – они всякие бывают...»

Время шло, Устинка выросла. Диковатая она была, необщительная, когда в село, в церковь или в лавочку, шла, ни с кем не сдруживалась. А в лесу оживала, песенки распевала, с зайчишками в догонялки играла, с ежатами в прятки, с белками шишками перебрасывалась. Сама Хозяйка Леса за ней приглядывала и подарочки подбрасывала. То ленточку в косы на крылечко положит, то бусики блестящие на берёзку навесит, то денежку серебряную в родничок подкинет. Людей-то Хозяйка Леса особо не жаловала: шумные они были, вредные для леса. Деревья валили, зверей ловили, птиц постреливали, дорог вон в лесу попрокладывали. А Устинка своя была, лес и обитателей его любила, не обижала, звонкий голосок по лесу колокольчиком рассыпался, для всех улыбка и словцо доброе находились.

Большая уж совсем Устинка стала, а красавица – глаз не отвести! Как берёзка молоденькая, стройная, косы медью отливают, глаза зеленущие, изнутри светятся, утонуть в них можно. Аким вздыхал только, когда внучка в село собиралась, а провожать не мог, совсем старые ноги отказывали. Думал, вот замуж пора девке, и так горько ему становилось, до слёз, ну как отдать кому кровинушку! А она принарядится, перед дедом крутнётся и лёгкими ножками убежит. Он ждёт и вздыхает, места не находит. И не зря стариково сердце беду чуяло...

Побежала как-то Устя до лавочки, керосин у них вышел, и соль заканчивалась. Жарко было, солнышко припекало, по дороге в омутке Устинка искупалась, в папоротниках отдохнула, землянички поела. И так-то хороша была, а тут совсем разукрасилась. Косы огнём пылают, щёчки розы розовой, губы – земляничины алые. Старый дуб проскрипел папоротникам: «Экая девка у нас, диво, диво, диво!» Папоротники в ответ зашуршали: «Хороша! Хороша! Хороша!»

Устинка им улыбнулась, рукой помахала – и дальше бежать. Вот уж и село, вот и лавка старого Фёдора. В лавке сумеречно, прохладно, а тут Устинка: огонёк – костерок, посветлело сразу будто. А за прилавком-то не Фёдор вовсе, парень молодой стоит. Занемог что-то старый лавочник, сына послал на торговлю, Антона Фёдоровича. Парень справный, молодой, неженатый, холостой. Волос чёрный, глаза-васильки, брови вразлёт – красавец писанный. Уставился на Устинку, она на него, молчат оба, словно языки попроглатывали. Вроде и видались раньше и в церкви, и на улице, а как впервые увиделись. Устинка красней мака стала, Антон слова молвить не может. За какой дверью, за каким сундуком любовь пряталась – поди, узнай, а вот накрыла их в одночасье, вспыхнула – и деваться некуда.

Всё ж купила Устя то, за чем пришла, распрощалась и ушла. Да распрощалась ненадолго, вечером в папоротниках сговорились встретиться, у большого дуба.

Домой вернулась, а там дед уж извёлся весь, у сорók спрашивал, где внучка запропала, те и донесли, всегда всё первые узнавали и по всей округе пересказывали.

А Фёдор-то уже с трактирщиком сговорился сына на его дочери Меланье женить. Некрасивая была Меланья, большеротая, большеносая, зато бога-а-тая! Антон и до того ни в какую, мол, не нужна страхолюдина, и денег не надо, а теперь и подавно, Устинка только мила, и всё тут. Отец и пороть грозился, и запирать пробовал, да ведь разве удержишь! Каждый вечер

бежит парень в папоротники к Устинке и весь день о ней только думает. Махнул Фёдор рукой, один сын у него, что же дитятю счастья лишать?

Зато Меланья злится, злобу копит, хочется ей замуж, ох, как хочется! Всё думала, как соперницу извести, и придумала. С одной стороны села был лес, а с другой – болото нехоталое. Жила на краю болота старая колдунья. Говорят, знавалась с самой Болотной Хозяйкой, та ей помогала дела тёмные творить. Хозяйка Леса не ладила с Владычицей Болотной, уж больно та вредить любила. То корову в болото засосёт, то кого испугает так, что ума лишит, то туману вонючего наслёт. Да ещё и ведьме содействовала пакости творить. Не нравилось всё это Хозяйке Леса, она болото подсушивала, лесом прижимала, разгуляться Болотнице не давала. Да уж давно ничего плохого не замечалось, вот Лесная Хозяйка злую злюку и подзабыла.

А Меланья вспомнила и на болото со злобой своей отправилась. Бабка старая, кривая, и избёнка у неё покосившаяся, а как про дело тёмное узнала ведьма, враз оживилась и помочь согласилась.

– Ну что ж, девка, соперницу извести – дело нехитрое. Да только задаром не возьмусь!

– Конечно, конечно, бабушка! – Меланья в карман за деньжонками полезла, но ведьма её остановила.

– Денег не надо! Ты со мной душой поделишься. Старая я уже, сил мало, а ты вон какая здоровая! И душонка у тебя чернушная, словно дёготь, мне как раз такую и надо. Дело сделаем, я за расплатой сама приду.

Меланья только обрадовалась, что денег платить не надо. «Жалко, что ли, души? Да и как она её заберет, душу-то? Забор у нас высокий, собака злая, не пустим – и всё». Не терпелось трактирщицовой дочке от Устинки избавиться. А бабка глазёнками подслеповатыми Меланью буравит, всё понимает, ведьма!

– Ну, согласна?

– Согласна! А делать-то что?

– Завтра придёшь, всё скажу.

Ушла Меланья, а ведьма за работу принялась. По стенам у неё гадюки дохлые развешаны, жабы сушёные, травы болотные. Затворила зелье, ей одной известное, котелок в печку сунула, а в полночь с котелком этим на болото вышла, Хозяйку Болот вызвала, пошептала с ней. Болотнице затея ой как приглянулась, тут же с радостью помочь вызвалась, в котелок чего-то добавила...

Явилась наутро Меланья на болото, а ведьма ей обрывок верёвки протягивает, девка аж осерчала:

– Ты чего мне, бабка, суёшь?

Ведьма в ответ усмехается:

– Бери-бери! Антону в карман подсунь и жди, чего будет.

Подкараулила Меланья Антона, когда он к зазнобе сердечной спешил, остановила, заговорила, да и пихнула в карман верёвочку. Антон и не заметил ничего, о милой думал. Устинка уж ждёт-поджидает любимого у старого дуба, на дорожку поглядывает. Вот он, идёт мил-друг, всё ближе и ближе. Устиньюшка навстречу кинулась, прижалась к суженому, а верёвка из кармана сама выползла, вокруг шеи Устинкиной обернулась, и в змею-гадюку превратилась, да и ужалила враз. Упала наземь девица-краса бездыханная, а змея исчезла, как её и не было.

Склонился Антон к любимой, понял, что мертва она, и закричал так горестно, что от стоны-крика его деревья зашатались, небо потемнело, звери-птицы лесные дрожью задрожали. Хозяйка Леса на тот плач явилась, обличье человеческое приняла. Редко являлась она людям, да тут такая беда-невзгода случилась, что не могла она не прийти. Всё разом поняла, ахнула: «Проворонила! Не уберегла!»

– Матушка! – Кинулся к ногам её Антон. – Спаси Устенку, без неё не жить мне!

Головой печально покачала Хозяйка Леса:

– Не в силах я вернуть ей жизнь человеческую, не властвую я над людьми. И заклятье Болот Хозяйки не сумею снять.

– Тогда и мою жизнь забери, не мил белый свет без любимой! Тут и Аким подковылял, тоже от горя смерти запросил. Хозяйка Леса от жалости-сочувствия сама едва жива. Говорит она тогда мужикам осиротевшим:

– Могу вашу Устинку деревцем обернуть, вон хоть осинкой. Будет жить её душа в деревце, а раз в год, когда папоротник цветёт, сможет девицей ненадолго становиться. А больше ничего не сделаю, и никто не сумеет!

Антон опять на колени пал:

– И меня оберни деревом, чтоб вовек мы были неразлучны!

Аким – в слёзы:

– Что ты, сынок! Тебе людскую дорогу пройти надобно. И отец у тебя стар, и другую милую найдёшь.

– Не хочу! – Стоит на своем Антон. – Или с Устинкой, или сам себя жизни решу!

Посмотрела Хозяйка Леса, подумала и сказала:

– Да будет так! Встанут в папоротниках Устинка-осинка и клён-Антон. Года и сила Антоновы тебе, Аким, добавятся, пожить тебе ещё придется во здравии. А с вами, детки, я не раз ещё встречусь.

Взмахнула руками, обернулась елью пушистой, только ель та на месте не стояла, а кружиться в папоротниках начала, что-то приговаривая. Аким под это кружение задремал будто, а когда проснулся, никого рядом не было, только среди папоротников стояли рядышком кленок молоденький и хрупкая осинка. Обнял стволики Аким, услышал вроде: «Не горюй, дедушка! Не горюй!», постоял и хорошими ногами домой пошёл, и силу почуял, как лет двадцать сбросил.

А в селе переполох! Пропал Антон, нигде и следа нет, и Устинки не видать. Ходил Фёдор в лес, искал сына, да не признался Аким, отговорился, мол, сбежали молодые, чтоб вместе быть. В селе пошумели, посудачили, да и подзабыли со временем.

У трактирщика вот беда, Меланья дуреть начала. Ведьма про должок не забывала, каждую ночь в жабьем виде в дом пробиралась и душу из девки потихоньку вытягивала. И стала Меланья ни то, ни сё. Вроде и живёт, а без души-то оболочка одна, ничего не хочет, ничего не сообщает. Ребятишки дразнятся:

*Тётка Меланья, голова баранья,
С печки упала, голову сломала!*

А она идёт, башкой трясёт, глаза пустые таращит, и вправду, что овца. Вот как с ведьмами ввязаться! Другим, может, и навредишь, да и себя не убережёшь.

Много ли, мало ли времени прошло, как вдруг явился к Фёдору Аким и в лес за собою позвал. Удивился лавочник, но пошёл следом в чащобу лесную. Вот и избушка Акимова оказалась, из трубы дымок вьётся. Совсем близко старики к дому подошли, видит Фёдор: на крылечке ребятишки сидят, в чурочки играют. Мальчонка черноголовый, чернобровый, синеглазый, девчушка с медными косичками и зелёными, крыжовниковыми, глазёнками. Ноги подкосились у Федора, сел он на ступенечку, детишек обнял:

– Да как же это? Внучатки мои, птенчики!

– Внучата! – подтвердил Аким и рассказал всё, как было. – Не могут Антоша с Устенкой к нам вернуться, а детушек мне доверили. Да силы уж не те, и в лесу не стоит им вечно быть. Возьми теперь себе, вырасти, выучи, а ко мне в гости навещайте.

Обнял Фёдор старика-лесовика:

– Спасибо тебе, друг! Да только что же нам расставаться? Давай вместе жить, детей растить.

– Нет уж, я в лесу останусь. Тяжко мне в селе, а здесь всё своё, родное. Да и недолго уж землю топтать. Тут и похороните.

Проводил Аким Фёдора в папоротники, показал Антона-клёна и Устинку-осинку. Те пошумели отцу листочками приветливо, поплакал он, обняв тела-стволы, да и порадовался, что живы они, что вместе. Аким наказал рта не раскрывать, что души детей в деревьях живут, только детишек приводить, чтоб помнили всегда родителей. Распрощались они на опушке, повёл Фёдор обрётённых внуков к себе домой. Слово сдержал, никому не сказывал, что детей нашёл, что внуков обрёл. Сказал только про детишек, мол, дальние родственники-сиротки. Так вот и жили они, поживали, а время шло, шло, шло...

Акима нет давно, и Фёдора нет, нет и лесной избушки, и тёмной лавки. Но стоят в папоротниках, обнявшись, кудрявый клён и трепещущая осина. И в селе нет-нет, да появятся синеглазые чернявые парни и рыжеволосые зеленоглазые девчата. Живут в них души влюблённых, и живёт на земле любовь...

Глава девятая, добычливая

Катя открыла глаза: «Господи, заснула я, что ли?» Провела ладошками по лицу, почувствовала, что щёки влажные. Опять удивилась: «И спала, и плакала?» Обратилась к папоротникам:

– Это ты, ковёр лохматый, на меня мёрзок навёл?

Папоротники тихо покачивались, шуршали тихонько, словно шепча:

– Да... Да... Да...

И настроение Катюшино изменилось: какое-то лёгкое умиление, очарование, теплота поселились в душе, вытеснив неуютные утренние терзания. Но такая тихая, расслабленная Катя почти не бывала, вот и сейчас решительно выбралась из своего берёзового трона, потянулась, подхватила корзинку:

– Ау, грибы, вставайте на дыбы!

Сначала грибы не желали показываться. Катя обогнула папоротники, прошла в глубь леса, а в корзинке пока было пусто. Она решила, что ещё не время для грибов, и нет их вовсе, но вдруг под тёмной еловой лапой мелькнуло рыжее пятнышко. Оранжево-бархатистый подосиновик с белоснежной ножкой устроился почему-то возле ёлки, проигнорировав осину. Катюша срезала первый трофей, поцеловала выпуклую яркую шляпку: «Ах, прелесть!» Первый в этом году гриб, укладываемый в лукошко, так порадовал добытчицу, что она звонко рассмеялась на весь лес. Не успев распрямиться, Катя увидела ещё парочку таких же крепеньких, задорных подосиновичков, только-только выбирающихся из мха. А вот коричневая шляпка подберёзовика высунулась из-за пенька и привела Катюшу к целой компании родственников.

Довольная, Катя шагала по тропке, и корзинка всё тяжелела. Молоденькие, пузатенькие грибочки, подосиновики и подберёзовики, сидели, где им вздумается, не считаясь с положенным по названию расположением. Впрочем, в их местности они звались красноловики и черноловики, вспомнила Катюша, вполне подходящие названия. Другие грибы пока не попадались, но эти были так хороши, такие яркие и крепкие, ножки их под ножиком хрупали, как белоснежный сахарок, шляпочки словно из бархата. У Кати слюнки потекли в предвкушении грибного жаркого, да ещё из собственной добычи.

Увлечённая тихой охотой Катюша и не заметила, как дошагала до конечной цели своего путешествия – бывшей деревеньки Ивановки. Деревенька ушла, а эту прогалину в лесу так и продолжали называть Ивановкой. Валуны-кабаны по-прежнему дремали на своих местах, возле них на припёке зрела земляника, черничины сияли тёмными глазками, кое-где на кочках виднелись гроздочки совсем пока беленькой брусники. Катя набрала целую горсть спелых земляничин, вскарабкалась на шершавый валун, поднесла ладошку к лицу, вдыхая пьянящий аромат. Высыпала в рот сразу все ягоды, жмурясь от удовольствия. И ладошка, и щёки теперь упоительно пахли земляникой, казалось, что и от валуна, и от деревьев вокруг исходит этот сказочный запах. Опять вслух, не боясь быть никем услышанной, Катюша воскликнула:

– Ах, как замечательно! Я в сказке.

Сказка сказкой, но никого волшебного не обнаруживалось. Всякие ведьмы, кикиморы, лешие где-то прятались, и Катюша ещё немножко спокойно полежала на камне, глядя в бескрайнее небо, просвечивающее между плавающими наверху мохнатыми макушками высоченных сосен. Сосны поскрипывали, макушки покачивались, ничего и никого не было вокруг, кроме самой Кати и сказочного леса.

Однако пора было отправляться домой: гуляла она уже довольно долго, ныряя в папоротниковые сказки, в грибные удовольствия, в ягодные наслаждения. Бабуля точно без неё обедать не сядет, да ещё и волноваться начнёт за блудную внучку.

Прогулка Катю излечила, она замечательно себя чувствовала и решила больше никаким гнусным мыслям не поддаваться, а ждать свою сказочную любовь, которая (ну кто бы сомневался!) красавицу и умницу Катюшу найдёт обязательно.

Хоть корзинка и оказалось увесистой, домой Катя шагала также легко и споро. Ещё ненадолго задержалась в папоротниках, обняла стволы клёна и осинки, удивившись их живому теплу. Папоротники, знай, шуршали своё:

– Хорошо!.. Хорошо!.. Хорошо!..

Катя отозвалась им:

– И вам всего хорошего! Я ещё вернусь! – и помахала кепочкой на прощание.

Вот и лес кончился, вот и деревня показалась, вот и дом бабулин. Какое счастье!

Нагулялась, надышалась, грибов набрала. Сейчас Катя их почистит, пока бабушка обед греет, пообедают – и на речку. Галинка на работе, придётся одной сбегать. А может, не на речку, может, в горенку, добирать недоспанные часы. И то хорошо, и это здорово! И вообще, какое это замечательное дело – каникулы!

Глава десятая, близкородственная

Катя прошла к дому огородом, не улицей, поэтому машину не видела, но, едва открыв дверь, сразу поняла – приехала Лида, её любимая тётушка, младшая бабушкина дочь. С появлением тёти в доме всё менялось: появлялся запах кофе, сигарет, в прихожей поселялась куча разнообразной обуви, на крыльчке, у скамеек, устраивались пепельницы. Пока что чувствовался аромат свежесваренного кофе, и у входа валялись сразу две пары туфель: лакированные офисные лодочки и башмачки на плоской подошве, Лида в них водила машину. Видно, приехала сразу с работы. И ведь не говорила ничего!

Лида ни на кого из них, видных, спокойных, сдержанных, не была похожа. Росту небольшого, крепенькая, как те грибочки, что лежали в Катином лукошке, с тёмными и всё же отличающимися медью волосами, чернобровая, как азиатка. А глаза неожиданно светлые, серо-голубые, льдисто-прозрачные, умные и внимательные.

Ножки, которые она так любила постоянно переобувать, совсем маленькие, а руки крупные, красивые, с длинными пальцами. Эти руки жили отдельной жизнью, постоянно находились в движении, не замирая ни на секунду, и обращали на себя внимание, пожалуй, больше, чем лицо. Лицо как лицо, кругленькое, обыкновенное. И Катя, и её мама были очень красивы, высокие, белокурые, да и Анна Степановна, несмотря на годы, сохранила внешнюю привлекательность, а Лида казалась человеком совсем из другой семьи. Всегда живая, энергичная, порой резковатая, она очаровывала своим человеческим обаянием, бьющей через край радостной энергией и страстностью во всём. И поклонников у неё было всегда едва ли не больше, чем у старшей красавицы-сестры. И брала не красотой, говоря о себе:

– В ком изюминка, в ком две, а во мне кило изюму!

Катя её обожала. Тётушка всё всегда о ней знала, с любой проблемой племянница шла к Лиде, а не к матери. Лида умела выслушать и понять так, как никто другой. Она нянчилась с Катей маленькой, помогала с уроками, с курсовиками в институте; почему-то у мамы времени на Катюшу не хватало, а тётя всегда находила.

Нынче Лида сумела выкроить недельку отдыха и решила навестить мать. Приехала одна, девочек свекровь увезла к себе на дачу, а Лида планировала побыть с мамой и любимой племянницей. Планируя приезд, нарочно не предупредила Катю, уж очень хотелось устроить сюрприз. Сюрприз удался, Катериныны радостные вопли донеслись с крыльца, и вот она сама влетела вихрем:

– Лидуська приехала! Привет!

– Здравствуй, моя девочка! – Лида с удовольствием прижала к себе племянницу. В затрапезной одежке, румяная, чуть растрёпанная, Катюшка была такой родной и милой! – Я вот тоже решила каникулы устроить, завидно стало.

– Как здорово! А ты надолго?

– Да на недельку. Я же бизнесумен, Котёнок! Моих гениев надолго не оставишь.

У Лиды на фирме, которой после гибели мужа она управляла одна, работали сплошь мужчины. Даже секретарь был секретарь, а не секретарша. Их начальница умелой рукой направляла гениальность в нужное русло, решала все вопросы с клиентами и заказчиками, поскольку гении, погрузившись в идеи, от внешнего мира отрезались начисто. За неделю вряд ли что-нибудь может стрястись, а вот на больший срок оставить подчинённых Лида не рисковала. С утра раздала все ценные указания, оставила секретарю подробные инструкции и отбыла на каникулы. Свекровь была на даче с внучками, свёкра они отправили в санаторий: что-то давление у деда стало зашкаливать.

Освободившись на время от всех забот, Лида хотела ощутить себя просто маминой дочкой. Не успев переодеться с дороги, затребовала кофе. Её суперумная кофемашина, дремавшая

в кухонном шкафу, заняла почётное место на столе и теперь, жужжа и похрюкивая, готовила вожденную чашку кофе, наполняя непривычным запахом весь дом. Глотнув кофейку, Лида глянула на племянницу:

– Что делать будем, чем заниматься?

Анна Степановна сразу заявила:

– Отдыхать будешь! В кои-то веки собралась, и сразу – делать. Мало ты в городе пашешь, словно буйвол на плантации.

Лида засмеялась:

– Спасибо, матушка! Надо ж так обозвать ребёнка! Буйвол! Засмеялась и Катя:

– Буйвол не буйвол, а плантация есть, и работа найдётся. – Спихватилась, рванула за корзинкой: – Гляньте, сколько я грибов принесла!

Бабушка и тётя восхитились:

– Добытчица!

Анна Степановна глянула на часы:

– А обедать-то вы собираетесь? Умывайтесь, переодевайтесь, а то как-то не сочетается – бизнесвумен и Гаврош.

Они и вправду выглядели контрастно: Лида в элегантном костюме, с причёской и макияжем, на пальцах рук сверкают кольца, браслет змейкой обвивает запястье – ну просто дама высшего света, и Катюша в выгоревших штанах, в бесформенном свитере. Зато к обеду обе явились в ситцевых платьицах, с умытыми лицами, скромницы и простушки.

Анна Степановна ликовала в душе: снова за её столом компания, есть о ком заботиться, с кем поговорить. Конечно, у детей своя жизнь, но она так скучала по всем любимым девицам! Обратилась к дочери:

– Привезла бы Инку с Нинкой погостить!

– Мамуль, попозже организую. Свекровь одна не может, ты же знаешь.

– Так и сватью вези! Домина пустует, всем места хватит.

– Наталья Ивановна дачу не оставит, тебя ж тоже от дома не оторвать. А мы с девочками приедем, обещаю. И Надя на грибы собиралась в августе.

– Кстати, про грибы. Катерина притащила порядочно, давайте на первую жарёху Галку позовем с женихом. Ты, Лидусик, ещё про Вадима и не слыхала.

Лида вытаращила глазищи и завопила:

– Галка? Жених? Доложить немедленно!

Анна Степановна глянула на внучку. Та не смогла сдержать эмоций при упоминании Вадима, слышать о нём не пожелала и под предлогом чистки грибов удалилась с кухни. Его образ вновь возник в голове, она снова почувствовала себя уязвлённой. Слушать, как бабушка будет рассказывать про Вадима, нахваливать его и Галку, Катюше совсем не хотелось. Оказывается, не успокоилась, слишком уж задето её самолюбие, и как быть – неясно. Погремев мисками и тазиками, подготовив фронт работ, Катюша споро принялась перебирать и нарезать грибочки, стараясь думать только о них, а не о каком-то там чужом женихе (подумаешь! лучше найдем!) и пытаясь вернуть спокойствие. Слава Богу, ни тётя, ни бабушка за ней не пошли, и Катя мирно орудовала ножиком, превращая ножки и шляпки в аккуратные ломтики для вкусного ужина, отвлекаясь от неприятных дум. Увидев шагающую к ней Галинку, Катя даже обрадовалась, поняв, что несмотря ни на что, очень рада её видеть, что подруга тоже сияет доброй улыбкой.

Глава одиннадцатая, послеобеденная

Лида вопросительно смотрела на мать:

– Что это, мам, с Катериной? И какой такой Вадим?

Анна Степановна принялась обстоятельно рассказывать про появление Вадима, про Галинкино счастье, а потом добавила со вздохом:

– А наша-то бесится, что Галка её обошла. Глаз хищный на парня нацелила, вот и мается. И перед подругой стыдно, и завидки берут. Как же, такую красоту без внимания оставили, Галинку предпочли!

– Что красота, то красота! – покивала Лида. – Конечно, ей тоже принца хочется.

– А кому ж в девках их не хочется, принцев-то? И мне хотелось, и тебе. Да только заслужить надо, а не на чужое зариться.

Лида взяла очередную чашку кофе, вздохнула:

– Так хочется, чтоб хоть у Катюшки судьба была счастливой! А то вот мы и принцев нашли, и в короли их вывели, а теперь без никого сидим.

Мать улыбнулась ободряюще:

– У тебя ещё всё впереди, что уж ты так.

– Да вряд ли! – Лида принялась убирать со стола: говорить о себе, о своём одиночестве ей не хотелось. – Mam, я посуду помою, а ты приляг, отдохни.

– Помой, помой! Давай посудомоечную машину налажу.

Лида хихикнула. Мать вечно ее поддразнивала, намекая на высокоцивилизованную жизнь дочери.

– Да я и сама сумею, у тебя техника допотопная, справлюсь!

Сняла с полки тазик, ухватом вытянула из печи чугунок с горячей водой, ковшом начерпала холодной из ведёрка и принялась ловко мыть и перетирать чашки, блюдца и прочую утварь. Чистенькую, весёлую посуду расставила по своим местам, протёрла стол, оглядела порядок. Мать прилегла в комнате, включив телевизор. «Пусть отдохнет моя Нюся, что-то сдавать стала». Лида вздохнула. Летом всё ничего, деревня живёт, а зимой с этакой посудомойкой, двуручным водопроводом (две руки, ведро, колодец), с дровами да печками каково? Тотой зимой к половине домов на селе ни тропинки, ни следочка – все в городе. Лида и Анну Степановну не раз уговаривала к ней перебраться, да всё бесполезно: мать даже в гости почти не ездила, никак её город не привлекал.

А где ж Катюшка-то? Прихватив сигареты, Лида пошла на улицу. Катя никуда не делась – Лида с облегчением услышала её смех с крылечка. Вот она, грибочки почистила, помыла, сидит с Галинкой болтает и всё хохочет. На крыльце Галкина медицинская сумка стоит, та, видно, на вызов бегала и мимо них не прошла. «Ну и слава Богу, хоть от подружки не отвернулась!» Катя оглянулась на её шаги:

– Сигаретку после кофе, тётушка? Ну просто кладёшь вредных привычек, правда, Пилюлькин?

Галинка приветливо поздоровалась:

– С приездом, Лидочка! Молодец, что собралась к нам. И погода хорошая обещается, вы с Катюшей черней меня станете!

Лида расцеловала девушку:

– Здравствуй, Галочка! Рада видеть тебя в добром здравии. Катя съехидничала:

– Её здоровье в её руках, и вредных привычек нету.

Тётка на ядовитую племянницу не обратила внимания, закурила и спросила:

– А чего это вы тут заливались? Я тоже посмеяться хочу!

Галинке пришлось повторить только что поведанную Кате историю из собственной медицинской практики:

– Вызвали меня к тётке Вере, знаете, за клубом живёт? У неё деда радикулит хватил, спину свело, не разогнётся. А по телевизору как раз «Белые росы» показали, там главный герой пчёл на спину сажал для лечения. У тётки Веры улы есть, вот они и решили такой метод исцеления попробовать. Принесла тётя Вера пчёл в коробочке, давай врачевать. Дед пузом вниз лежит, бабка пчёл сажает. Одну, другую. Они жалят, стараются, дед охает и вдруг начинает раздуваться, у него аллергическая реакция пошла, на глазах прямо. Уже и шевельнуться не может, снизу пузо толстое, сверху спина таким же пузом наливается. Бабка с перепугу коробку выронила, пчёлы повывлетали, тоже с перепугу мечутся, и одна бабусю за губу цапнула. Губа в момент раздуваться начала, тётя Вера бегом на улицу, за мной послать успела – и всё, онемела. Я пришла – тоже онемела. Дед Михайло растопыренный лежит, руки-ноги в стороны, посередке шар воздушный. Тётя Вера вокруг бегаёт, ругаться пытается, а выходит только «Ду-ду-ду». Ничего страшного, скоро всё пройдёт, но это надо было видеть, особенно Веру с африканской губой. Да ещё и говорить не может, а это для неё наказание сущее.

Лида от души расхохоталась, представив такую картину, и девчонки вместе с ней. Отсмеявшись, Лида спросила у Кати:

– Пригласила подружку на грибы?

– Конечно, пригласила, и не одну. Повезло Вадиму, вчера с двумя дамами был, сегодня аж четыре, а завтра что? Шесть или восемь? Как бы нам разбавить общество, а, тётушка? Вызови из своей фирмы мальчиков, что ли.

Галка отказалась от предложения перекусить и почаёвничать, убежала к себе в больницу, у неё рабочий день ещё не закончился, а тётушка с племянницей решили всё-таки сходить на речку, взбодриться.

Глава двенадцатая, хозяйственная

– Далеко не пойдём! – решительно заявила Лида. – Быстренько купнёмся, чуток на бережку полежим – и обратно. Делов нынче много, огород надо полить, а то ведь бабуля сама ведра таскать примется. Да и с ужином хлопот немало, раз гостей позвали.

– Ага! – уставшей, набродившейся Катюше было всё равно, она со всем соглашалась, позёвывая, но тут Лида сказала то, от чего сонливость мигом слетела:

– Слушай, а Вадим и вправду так хорош, что ты от покусительств удержаться не можешь? И не вздумай даже! Тебе ли чужое отнимать, когда столько возможностей своего найти!

Катя враз разгневалась и зашипела:

– Ну что пристали! Да, хорош! Да, приглянулся! И нечего меня воспитывать, не маленькая! Я ведь тоже хороша!

Лида смотрела на неё непривычно холодными глазами и говорила сурово:

– Ты прекрасна, спору нет! Да разве от этого счастье зависит? Оно душу смотрит, по заслугам воздаётся. Вот и заслуживай! – но, глянув на расстроенную Катю, остановилась. – Извини, но мне не хочется, чтобы ты совершала ошибки.

Катюша раздувала ноздри и молчала. Лиде тоже расхотелось что-то говорить. Что толку-то? Юности свойственно безрассудство, и никакими словами нельзя убедить, свои ошибки всяк сам проживает. Но понаблюдать за Катериной стоит, и, в случае чего, попридержать, она ведь девица решительная и настырная. Легонько шлёпнув Катюшу пониже спины, тётя дала знак к примирению:

– Не дуйся! Я ведь любя тебя воспитываю, совершенство делаю.

– Не дуюсь! Вы правы, Галкиному счастью ничто и никто мешать не должны. Только не надо лишний раз об этом!

Пока шагали к реке, недовольство друг другом у обеих потихонечку прошло. Солнце пригревало, речка впереди сверкала и переливалась, обещая прохладную свежесть. На берегу торчали мальчишки с удочками, в воде плескались и гомонили ребяташки всех возрастов, их мамы не жились на песке – отдых в деревне в полном разгаре. Чуть в сторонке несколько мужиков окружили скатерть-самобранку с нехитрой закусью и бутылками. Красота! Тяпнут по рюмашке, лучком-огурчиком закусят, в речку освежиться слезят, опять тяпнут. Лида хмыкнула:

– Ну где ещё найдёшь сильных мира сего, как не возле бутылки!

Тут от дружеской компании отделился здоровенный мужик в цветастых шортах и с воплем:

– Лидуха!!! Муха-Цокотуха! – сграбастал опешившую Лиду в охапку, подбросил, поймал, поставил на землю, поцеловал в макушку. – Ай не узнаёшь?

Та всмотрелась, ахнула и тоже завопила:

– Андрюсик! Ой, какой ты вырос, правда, не признать! – она смотрела, задрав голову, и улыбалась радостно.

«Ну всё! – подумала Катя. – Сейчас они погрузятся в воспоминания, и тётюшка будет недоступна». Словно услышав, Лида обернулась к племяннице:

– Располагайся, Котёнок! Андрей мой давний друг, мы сто лет не виделись, уж извини, мы поговорим чуток, – и представила Катю: – Знакомься, это Надина дочка, Екатерина.

– Такая же красавица, как мама! Я ведь с Надей в одном классе учился. – Андрей не сказал, что не только учился, а и любил безответно много лет. Катя напомнила прошлое, и по лицу Андрея пробежала тень давней боли. Лида моментально это заметила и заговорила, отвлекая:

– Представляешь, у меня неделя каникул! А ты надолго приехал?

– Я в отпуске уже полмесяца, но ещё дней десять пробуду, всё никак с хозяйством не управлюсь.

– Вот здорово! Пообщаемся всласть. Прямо сегодня приходи к нам на грибы. Или ты не один? Тогда с семьёй приходи.

– Один я, Муха, совсем один.

– Вот и приходи. Дом наш не забыл, чай?

Ничего он не забыл. Не забыл, как вдруг неожиданно Надежда стала необыкновенно красивой, и Андрей потерял голову. Приходил к ним, сидел молча, смотрел на объект любви, всё мечтал о чём-то, но мечтам не суждено было сбыться: Надежда лишь позволяла себя любить. А мелкая Лида вечно с чем-то приставала: то с задачками разобраться, то сочинение проверить, трещала, не переставая, он её Мухой и прозвал, отмахнувшись от очередных приставаний:

– Ну что ты, как муха, всё кружишь!

Прозвище прилипло, и Мухой шустряя неугомонная Лида пробыла довольно долго, но на Андрея не обиделась. Они всю юность дружили, потом дороги разошлись, и теперь оба очень обрадовались встрече. Лида ещё раз улыбнулась Андрею:

– Давай до вечера! И тебя вон приятели ждут, и нам с Катюшкой особо некогда.

– Пока, девочки! – Андрей откланялся, Катерина едва кивнула, ей тётушкин приятель был неинтересен, зато Лида послала ему воздушный поцелуй.

Они быстренько разделись и бросились в речку. Лида отплыла подальше, раскинулась на воде:

– Ну что за благодать! Просто все невзгоды и проблемы утекают вниз по течению далеко-далеко.

Катя блаженствовала рядом – и вправду: и усталость, и мелкие неприятности смывались чистой водой, тело обретало лёгкость и бодрость, голова – свежесть и жизнерадостность. После водных процедур дамы приняли и воздушные ванны, и солнечные. Катя посмеивалась:

– Вот тебе и СПА-салон! И эффективно, и бесплатно.

Лежащая с закрытыми глазами Лида пробормотала в ответ:

– Да такого удовольствия ни за какие деньги не найдёшь! Я прямо омолодилась вся.

– Особенно если учесть нечаянную встречу с неким другом дней твоих суровых! – не удержалась от подкола Катя. – И тебе на вечер кавалер есть. Может, и у бабули кто приготовлен? Одна я совсем одна.

Катюша вроде шутила, но тётя встревожилась. Не давая племяннице развивать эту тему, она принялась командовать:

– Ещё заплыв, перекурчик – и до дому! Огород польём вместе, потом на твоей совести сервировка стола, на мне с бабулей – пропитание.

Освежившиеся, они весьма шустро пробежались обратно и, не сбавляя темпа, занялись намеченными делами. Вооружённая лейкой, Катя шагала между грядками, Лида сноровисто подносила ей воду, и вдвоём они быстро напоили всех страждущих.

Анна Степановна тем временем и грибы пожарила, и картошки начистила, и привезённые дочерью деликатесы всякие порезала. Так ей радостно было, что в обычно тихом доме соберутся гости, опять будет шумно и весело, вроде и сил прибавилось. Как она любила когда-то накрывать массивный стол на большую компанию! Своя семья была немалая: она с мужем и свекровью, дочки, да приятели часто навевывались, и родня. А потом всё реже и реже большой стол служил свою службу. Но сегодня ему предстояло потрудиться, и стол послушно подставил широкую спинку под тарелки, блюда и под бутылочные донышки.

Вернувшиеся в дом помощницы ловко довершили начатое, и вскоре стол гордо красовался, заставленный всяческими вкусностями. Лида с Катей глотали слюнки. Аппетит у обеих был завидный, а поскольку фигуры при этом не страдали, родственницы вкусно покушать нико-

гда не отказывались и теперь никак не могли дождаться ужина. Лида последний раз оглядела стол:

– Прямо банкет! Мама Нюся, ты молодчина! А водки не мало? Я ж ещё и Андрея позвала.

– Ну за это ты не волнуйся. Андрей совсем не пьёт, ни граммулечки. Что на речке в компании сидел, так это наши велели за отпуск проставиться. Одноклассники его, Петька с Борькой, братец двоюродный непутёвый ещё. Эти-то пьют, как на каменку льют. А Андрей с женой разводился долго, трудно, запил тогда, руки опустил, работу потерял. Приехал сюда, с полгода жил у матери, выправился – и ни капли с той поры. Мать в город забрал, всё у него наладилось, но один до сих пор, уж года два, поди. Мать у него нынче болеет, сюда не поехала, так он сам явился дом-сад доглядеть. Хозяйственный! И вообще мужик хороший. – Она многозначительно глянула на дочь. – Ко мне забегал, спрашивал, не нужно ли чем помочь. Ты молодец, что его позвала, не с алкашами ж, в самом деле, ему тут время проводить!

– Надо же! А я и не знала ничего, мы лет десять не встречались. Тогда он радостный ходил, сыном хвастался, жену нахваливал. – Лида машинально поправляла салфетки, приборы, фужеры. Её рукам, как всегда, покоя не было. Так же машинально глянула на часы: – Батюшки, время-то! А я ещё в капотах! Пора фрак напяливать, гости на подходе!

Она умчалась одеваться, и вовремя – первый гость уже подходил к дому.

Глава тринадцатая, застольная

Быстро натягивая лёгкие брюки и блузку, Лида слышала, как Андрей здоровается с Анной Степановной, как та что-то говорит в ответ, поэтому особо приукрашиваться не стала. Несколько взмахов щёткой по непокорным медным волосам, последний взгляд в зеркало – и вот она уже в столовой.

– Привет, Андрюшник! – старый друг выглядел отлично. На берегу Лида особо не приглядывалась, но тут солидная фигура, занимающая довольно много места, невольно привлекала взгляд. Не Аполлон, конечно, но и не грузный пузан, а весьма представительный мужчина средних лет, очень даже симпатичный. Гладко выбритое лицо было совсем молодым, густые волосы без седины, серые глаза смотрят на неё в упор озорно и приветливо:

– Ты не изменилась, всё такая же! – Лиде приятно было это слышать. – И не выросла совсем.

– Зато ты у нас вон какой! Садись уж лучше, а то места много занимаешь.

Андрей послушно сел, стул под ним скрипнул жалостно, и хозяйки захихикали:

– Тебе надо сразу два выделить, крупногабаритный ты наш! Сколько же ты калорий потребляешь?

Отвечать Андрею не пришлось: в столовую одновременно вошли Галка с Вадимом и Катюша. Катя тоже не стала наряжаться, выбрала спортивное платьице с кармашками, достаточно скромное. Личико почти без косметики, совсем юное, светлые кудри заплетены в косу – милая школьница. «Что бы это значило?» – хмыкнула Лида, но тут же отвлеклась на вновь прибывших. «Вот это да!» Принарядившаяся Галинка была чудо как хороша. Лёгкий летний костюмчик с прямой юбочкой, высоко открывающей смуглые ножки, весёлого бирюзового оттенка, очень ей шёл. Пиджачок с глубоким вырезом и крупными перламутровыми пуговицами облегал грудь и подчёркивал талию. Высоко заколотые волосы и нитка жемчуга делали шею длиннее, серебристые босоножки на высоких каблочках прибавили роста и стройности. Прелестная девушка, нежная и скромная, как полевой колокольчик, порозовев от обычного смущения, представила своего спутника. Лида только ахала про себя. Конечно, Галка заслужила, и судьба распорядилась по справедливости, но Катериныны метания тётушке сразу стали понятны. Племянница считала всех особей противоположного пола своими поклонниками, а тут такая незадача! Однако Катюша вела себя безукоризненно, глазки потупила, пылающих взоров на «прекрасного юношу» не бросала, и успокоившаяся Лида, последний раз оглядев стол, попросила всех рассаживаться.

Каждому кавалеру предназначалось по две дамы, Лида оказалась рядом с Вадимом и Галинкой. Андрей между Катюшей и Анной Степановной – напротив. Поначалу-то вся пёстрая компания уделяла внимание в основном еде. Отсутствием аппетита никто не страдал, всё на столе выглядело заманчиво и вкусно, главное блюдо – огромная сковорода жареных грибов – имело грандиозный успех. После этого разговор долго вертелся вокруг всех славных представителей этого шляпочного племени, а добытчица Катюша принимала благодарности за доставленное удовольствие.

Лида разговорилась с Вадимом о его заботах, о детях, о том, что сельские детишки много лишены, а среди них есть такие умницы! Неожиданно для себя обнаружила, насколько он интересен, и невольно посочувствовала Кате. Не просто видный мужик, а интересный человек, с ним действительно можно было разговаривать, общаться, затрагивать любые темы. Достойный экземпляр! Вымирающий вид – настоящий мужчина. Такие действительно редко встречаются: с особой энергетикой, надёжностью, силой. Катюшка держалась молодцом, болтала с Галинкой об общих знакомых, шутила с бабушкой, втягивала в общение Андрея, который бросал на увлечшуюся Лиду многозначительные взгляды.

Мудрая Анна Степановна видела всех насквозь. Галка и Вадим, даже не глядя друг на друга, были вместе, уже невозможно было представить Галинку с кем-то другим. Борющаяся с собой и побеждающая себя в этом поединке Катюша, хоть и справляется, но всё равно хочет иного... Ничего, переживёт! Андрею хочется, чтобы Лида переключилась на него, а та, только-только становясь прежней, как будто ничего не замечает. Видеть дочь оживлённой и общительной стало для Анны Степановны лучшим подарком. Она боялась, что Лида так и будет грустить и замыкаться, а когда та позвонила и сказала, что едет в отпуск и займёт прежнюю комнату, безмерно обрадовалась. Потеряв Сергея, Лида не только не ночевала там, но даже не заглядывала, а сейчас, похоже, дочь отпускала свою печаль и возвращалась к жизни. Сама Анна Степановна овдовела тоже достаточно молодой, но ведь пережила и выправилась. Правда, мужчины для неё перестали существовать, но для Лиды мать очень желала женского счастья, да и Андрей ей нравился. Она не могла сдерживать радостной улыбки, глядя на присутствующих. Очаровательные девчонки, красивые, весёлые, и молодые, симпатичные мужчины, коих давно не видно было в старом доме – всё это было таким счастьем для Анны Степановны, так она в душе ликовала, что хотела, чтоб этот ужин не заканчивался!

Но силы гостей были не бесконечны. В борьбе с чревоугодием победило чревоугодие. Отяжелевшие от вкусной еды собеседники уже и разговаривать стали вяло. Андрей, похлопывая себя по животу, заявил:

– Говорят, ужин надо заканчивать танцами. Может, оно и так для пользы и стройности, но после этого ужина я не только плясать, но и петь не смогу. И как домой дойду – не знаю, пузо ногам мешает!

– Ночевать всё равно не оставим! – хихикнула Лида. – Мы девушки скромные, боязливые, так что и не надейся.

Ужин закончился чаепитием. Разумеется, Лида предложила сварить кофе, но все ответили отказом, и она сама, подчиняясь большинству, принялась за чай. Чаёвничали долго, блестящий самовар пыхтел и был готов напоить до отвала всех желающих. Гости откланялись ближе к полуночи, провожала их Лида. Простившись с Галкой и Вадимом, задержалась на крыльце с Андреем. Всё прекрасно понимая, говорила о чём-то нейтральном, не давая ни себе, ни ему перейти к определённым отношениям. Но в щёчку на прощание поцеловала, якобы по-дружески. Андрей ушёл, а Лида ещё покурила на крыльце, задумчиво глядя на звёзды. Удавшийся ужин, мужчина, на которого впервые за много лет она глянула как на мужчину, повеселевшая и помолодевшая мама, счастливая Галка, умница Вадим – столько хорошего! И ей было хорошо и на удивление спокойно. Давно не было так хорошо, молодец она, что придумала этот отпуск!

Пока Лида сидела и мечтала, пожилая и юная хозяйки навели в четыре руки порядок в столовой и на кухне. Вроде и недолго провожалась, а обнаружила родственниц уже в халатах и позёвывающих:

– Какие вы у меня шустрые, девочки! – похвалила их Лида. – Хоть куда, и хоть кому девчонки. И мне не пришлось ничего делать, повезло, так повезло. Ну что, по кроваткам?

– Конечно, по кроваткам, – отозвалась сонная Катюша. – Такой день выпал длинный, мне кажется, утро было давным-давно.

– Отдых мы заслужили, – поддакнула Анна Степановна, – вон как сегодня трудились и банкетились. Так что с чистой совестью к Морфею. Вы и утром не дёргайтесь, спите, сколь душе угодно, раз у вас каникулы.

Глава четырнадцатая, ночная печальная

Обменявшись пожеланиями спокойной ночи, три хозяйки наконец-то разошлись по комнатам. «Права Катерина! День нынче длинный-длинный». Лида всё медлила, как-то ей будет спать? Приняв решение вернуться в прежние свои апартаменты, она всё равно до конца не была уверена в правильности этого решения. Много-много лет веранда принимала их вдвоём с Сергеем, а каково будет одной?

Пристраивая и отделявая эту светлую, огромную, просторную веранду, отец создавал гнездо для себя и жены, тогда ещё совсем молодой и любимой Аннушки. Комната получилась солнечной даже в хмурые дни. Живое дерево в отделке, весёлые занавески на окнах, а сами окна занимают три стены. И маленькая печечка тут была, холодными осенними ночами здорово согревала и позволяла жить в этой вроде летней комнате аж до ноября.

Кровать, широченная, самодельная, с резной спинкой, точёными столбиками для полога, придавала комнате вид настоящего любовного гнезда. Да так оно и было. Лида никогда об этом не думала, но ведь спавшие здесь когда-то родители не только спали. А они с Серёжкой? С той первой ночи, когда она привезла Сергея к матери просить «руки, ноги и всех прочих частей тела», устроила здесь ночевать, а потом воровато прокралась к нему под бочок, могучая кровать не раз подвергалась испытаниям на прочность.

Мама после кончины отца ночевать здесь перестала, и Лида теперь отлично понимала, почему. Зато молоденькая Лида заняла территорию. На широких подоконниках хватало места всем её книжкам, горластый магнитофон мог орать, сколько угодно, не мешая никому, толпа друзей-подружек размещалась свободно. Так эта Лидина веранда и была Лидиной. Надю с мужем она сюда не пустила, располагалась на громадной кровати одна, нимало не смущаясь. И как здорово было разделять это ложе с Серёжкой!

Серёжка, Серёжка... Думать о нём было нельзя, не думать – невозможно. Судьба – она всякая и бывает до ужаса несправедлива. Сейчас Лида уже меньше роптала на эту самую судьбу. Да, она лишила её счастья, но ведь дала же пятнадцать таких счастливых лет!

Поначалу Лида своего сокурсника почти не замечала. Заводила разные романчики, на выходные уезжала домой, чаще всего с верным другом Андреем, училась, развлекалась и на спокойного увальня в очках и с вечными конспектами под мышкой внимания не обращала. Но как-то попала интересная нерешаемая задача, пришлось обратиться за помощью к самой светлой на курсе голове. Голова помогла, и отчего-то получилось так, что Лида разглядела и обладателя этой самой головы. Разглядела и поняла – это он, её и только её сказочный принц, спрятавшийся за своими книжками, тетрадками, стёклами очков.

Принц ни на что и ни на кого внимания не обращал, словно жил на планете, где люди беспобы. Лидой он интересовался лишь тогда, когда она обсуждала с ним какие-нибудь формулы. Как-то засиделись допоздна в аудитории, рождая в спорах истину, и Лида решила – пора. Пока от такого дождёшься проявления чувств, в старых девах зачахнешь. Поехала провожать избранника. Тряслись в автобусе, продолжая научную беседу, шагали к дому, и только возле собственного подъезда кавалер, наконец, спохватился:

– А почему ты меня провожаешь? Ведь юношам положено это делать, не девушкам.

– Ага, увидел во мне девушку! – смеясь, Лида повернулась к подъездному фонарю. – Смотри внимательно.

– Смотрю! – снял очки, взял Лидины руки в свои, притянул к себе. – Вижу! Девушка! Моя девушка!

– Твоя! И никуда теперь не денешься!

Потом-то Сергей утверждал, что первым заметил Лиду, просто изучал получше, но она была уверена, что сама определила свою и его судьбу. Тусклый фонарь у подъезда позволил

прозреть, и с того вечера начались пятнадцать лет Лидиною женского счастья. Доучились, поженились, родили девочек, всё могли и всё успевали, и через пять, и через десять лет любили друг друга, как в медовый месяц. А ведь могло ничего и не быть, она бы не увидела, он не разглядел. Думая о том, что могла не увидеть, не понять, что Сергей – лучший из мужчин, Лида судьбу постоянно благодарила; за то, что отняла его – проклинала.

Они были совсем разные. Сова Лида до полуночи пила кофе, чем-то занималась, а утром была злющая и ненавидящая белый свет. Серёжка засыпал, как выключался, не позже десяти, а в шесть утра мог работать, завтракать, делать что угодно. Лида всегда разговаривала громко, хохотала во весь голос, могла быть резкой и непримиримой. Сергей мягко улыбался, голоса никогда не повышал, предпочитал компромиссные решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.